

Предшественники русских нигилистов и прусский историк фон-Трейчке.

Русские нигилисты и немецкие бурши временъ вѣнскаго и ахенскаго конгрессовъ, послѣдніе въ роли предшественниковъ и учителей, первые въ роли подражателей и учениковъ,—какая странная, даже забавная комбинація! Кому могло придти въ голову подобная нелѣпность?.. Въ сожалѣнію, никому иному, какъ извѣстному немецкому историку и публицисту фонъ-Трейчке. Г. Трейчке безспорно замѣчательный изслѣдователь, превосходный разсказчикъ, но, въ тоже время, онъ горячій немецкій, или, лучше сказать, прусскій патриотъ. Вотъ это-то послѣднее качество заводитъ иногда г. Трейчке слишкомъ далеко отъ истины и ставитъ его въ положеніе просто комическое. Г. Трейчке издаетъ въ настоящее время исторію Германіи въ XIX-мъ столѣтіи. Его книга во многихъ отношеніяхъ—выдающаяся. Никто еще не нарисовалъ до сихъ поръ такой всесторонней и живой картины развитія немецкой націи въ первые два десятилѣтія нашего вѣка; никто не совладалъ такъ искусно съ массами разнообразнаго матеріала; никто, наконецъ, не сумѣлъ прослѣдить такъ тщательно развитіе идеи германскаго національнаго единства, какъ онъ. Книга вышла бы во всѣхъ отношеніяхъ превосходная, еслибы въ дѣло не вмѣшался прусскій патриотизмъ г. Трейчке. Всякій согласится съ авторомъ, что Пруссія занимаетъ первенствующее мѣсто въ исторіи Германіи; но г-ну Трейчке этого мало: онъ старается доказать, что прусская

политика была во все время воплощенною премудростью, что короли и государственные люди Пруссіи никогда не совершали тѣхъ ошибокъ, которые столь свойственны всѣмъ другимъ простымъ смертнымъ.

Проволя подобныя взгляды, г. Трейчке натолкнулся, однако, на такой рядъ фактовъ, который ужъ никоимъ образомъ не подходилъ къ его воззрѣніямъ, и истолковать который, къ чести Пруссіи и ея государственныхъ людей, не представлялъ, повидимому, никакой возможности. Дѣло шло объ извѣстныхъ волненіяхъ въ средѣ немецкой университетской молодежи. Извѣстно, какой страхъ навели эти волненія на всѣхъ немецкихъ правителей и, прежде всего, на прусскаго короля Фридриха-Вильгельма III. Извѣстно, какую дѣятельную роль принимало тогда прусское правительство въ розыскахъ и искорененіи демагоговъ. Извѣстно, наконецъ, что во всемъ этомъ дѣлѣ Пруссія играла самую жалкую роль, являлась ничѣмъ инымъ, какъ покорною исполнительницею указаній австрійскаго канцлера, князя Меттерниха. Понятно, что подобныя факты не могутъ нравиться г. Трейчке; естественно, что онъ старается дать имъ иную подкладку, истолковать ихъ въ менѣе постыдный для Пруссіи смыслъ. Для той цѣли почтенный историкъ избираетъ средство слишкомъ смѣлое и, во всякомъ случаѣ, крайне оригинальное. Не думая долго, онъ ставитъ немецкихъ демагоговъ на одну доску съ русскими нигилистами, или, лучше сказать, террористами.

Правда, пуская въ ходъ подобное сравненіе, Трейчке идетъ въ разрѣзъ всему тому, что дума-

ли и писали до сихъ поръ о немецкихъ буршахъ двадцатыхъ годовъ. И въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть общаго между такими явленіями, какъ немецкій буршеншафтъ, выросшій на національной почвѣ, и русский нигилизмъ, вся сущность котораго заключается именно въ отсутствіи такой почвы? Поверхностный наблюдатель усмотритъ, пожалуй, нѣкоторую аналогію между этими явленіями, но эта аналогія будетъ касаться лишь одной внѣшности, и отнюдь не сущности дѣла. Такъ, немецкіе демагоги и русскіе нигилисты вербовались, по преимуществу, въ средѣ учащейся молодежи, и тѣ и другіе производили волненія въ университетахъ очевидно политическаго свойства. Но этимъ и исчерпывается все сходство. Стремленія немецкихъ буршей вытекали изъ самаго горячаго патриотизма, они являлись прямымъ послѣдствіемъ воинственнаго энтузіазма, охватившаго немецкую молодежь въ эпоху войны за освобожденіе. Идеалъ буршей стоялъ, можно сказать, позади, а не впереди. Они мечтали лишь о возстановленіи единой и могучей германской имперіи. Эта имперія представлялась имъ разгоряченному воображенію во всемъ блескѣ средневѣковаго величія со всѣми его атрибутами. Бурши были не только національные, но и религиозные энтузіасты. Они были чужды духу невѣрія, ненавидѣли все революціонное и французское и отъ всей души сочувствовали нелѣпому предложенію Яна оградить Германію отъ тлетворнаго вліянія Франціи посредствомъ разведенія дремучихъ лѣсовъ на французской границѣ. Патриотизмъ буршей выражался въ невинныхъ, хотя и смѣшныхъ формахъ. Въ этомъ отношеніи они напоминали

скорѣе нашихъ украинофиловъ-студентовъ, нежели нигилистовъ. Подобно имъ они носили національный костюмъ, высокіе сапоги и длинныя куртки, курили только трубки, тщательно избѣгали всякихъ иностранныхъ словъ, распѣвали національныя пѣсни, усвоявали себѣ грубый мужицкій тонъ и выпивали огромное количество пива.

Были, впрочемъ, въ средѣ буршей и другія, болѣе рѣшительныя натуры, люди, отваживавшіеся говорить громовыя рѣчи противъ тирановъ, сожигать публично ненавистныя имъ книги и брошюры; были, наконецъ, и отдѣльныя личности, доходившія до изступленнаго фанатизма, способныя даже на политическое убійство. Но число этихъ послѣднихъ субъектовъ было крайне ограничено, можно сказать, ничтожно. Строжайшее разслѣдованіе по дѣлу Занда показало, что убійца Коцебу вовсе не имѣлъ соумышленниковъ. Даже число такихъ лицъ, которые называли себя сами безусловными, т. е. крайними, было болѣе нежели ограничено. Немецкое движеніе приняло болѣе опасный и преступный характеръ подъ вліяніемъ преслѣдованій правительствъ, но и тогда оно не выходило изъ сферы безумныхъ и неосуществимыхъ проектовъ.

Таковъ былъ взглядъ исторической науки на все это дѣло до самаго послѣдняго времени. Г. Трейчке, изъ извѣстныхъ уже намъ цѣлей, постарался взглянуть на буршей и на ихъ продолжителей совершенно иной, болѣе серьезной точки зрѣнія. Подробно останавливается онъ на дурныхъ сторонахъ немецкаго буршеншафта и съ особеннымъ озлобленіемъ возстаетъ противъ либеральныхъ іенскихъ профессоровъ. Поведеніе бур-

шей было уже до 1819 г. настолько опасно, что правительства обязаны были, по мнѣнію г. Трейчке, принять противъ нихъ энергическія мѣры. Представителями опасныхъ политическихъ стремленій буршей Трейчке считаетъ братьевъ Фолленовъ и, главнымъ образомъ, Карла Фоллена, отца „безусловныхъ“. Для характеристики этого послѣдняго, Трейчке не скупится на самыя энергическія выраженія, онъ называетъ его „фанатикомъ жестокаго разсудка“, „малоспособною головой“, „ярымъ яacobинцемъ“ и, наконецъ, „предшественникомъ русскихъ нигилистовъ“. Да, Карлъ Фолленъ былъ настоящій нигилистъ, но онъ умѣлъ скрывать свой нигилизмъ подъ плащомъ христіанства. Но, спрашивается, откуда взалъ Трейчке матеріалъ для такой характеристики. До сихъ поръ о Фолленѣ имѣли совершенно иное представленіе. Его считали человекомъ, впадавшимъ въ молодости въ странныя, быть можетъ, даже опасныя политическія заблужденія, но никто не сомнѣвался, что его натура была въ сущности чистая и благородная, и его убѣжденія возвышенныя и строго христіанскія. Такъ судили о Фолленѣ на основаніи матеріаловъ, повидимому, несомнѣнныхъ, воспоминаній, оставленныхъ о немъ его женою и близкими друзьями. Г. Трейчке устраняетъ весь этотъ матеріалъ; онъ слѣдуетъ единственно указаніямъ бывшаго университетскаго товарища Фоллена, нѣкоего Мюнха. Мюнхъ, воспоминанія котораго появились только въ 1873 году, рисуетъ дѣйствительно дѣятельность Фоллена иными, нѣсколько темными красками, тѣмъ не менѣе факты, передаваемые имъ, нисколько не касаются благородныхъ сторонъ въ

характеръ Фоллена и не даютъ ни малѣйшаго основанія для характеристики г. Трейчке. У г. Трейчке есть однако же еще другой источникъ, воспоминавiя извѣстнаго Генриха Лео, въ тенденціозномъ характерѣ которыхъ давно уже не сомнѣвается никто. Положенiя Мюнха и Лео г. Трейчке комбинируетъ чрезвычайно оригинально. Изъ своихъ двухъ источниковъ онъ всегда отдаетъ предпочтенiе тому, который оказывается болѣе невыгоднымъ для буршей; тамъ же, гдѣ они оба отказываются служить ему, онъ не задумывается дополнять ихъ собственными измышленiями. За примѣрами ходить недалеко.

Такъ Мюнхъ рассказываетъ, что Фолленъ, явившись осенью 1818 г. въ Иену, не смотря на всѣ усилiя, могъ обратить въ свою радикальную секту только троихъ изъ всего iенскаго студенчества. Трейчке это, разумѣется, не нравится, онъ оставляетъ Мюнха, котораго считалъ до сихъ поръ такимъ авторитетомъ и обращается къ Лео, у котораго вмѣстѣ троихъ буршей является уже цѣлый кругъ „безусловныхъ“, собранный Фолленомъ въ Иенѣ.

Но что же дѣлалъ этотъ столь страшный для г. Трейчке кругъ, въ чемъ выраились, главнымъ образомъ, преступные замыслы Фоллена и компанiи, замыслы, ставящiе ихъ на одну доску съ современными русскими динамитчиками? А вотъ въ чемъ. Осенью 1818 г. императоръ Александръ I прибылъ въ Веймаръ. Либеральное настроенiе русскаго императора въ это время начало видимо уже уступать мѣсто иному теченiю; Александръ

началъ уже подпадать подъ гнетущее влiянiе австрiйскаго канцлера. Въ большой публикѣ объ этомъ было впрочемъ еще мало извѣстно, врядъ ли знали очень много на этотъ счетъ и iенскiе бурши. Какъ бы то ни было, но К. Фолленъ и его прiатели, собравшись въ дружескомъ кружку, не задумывались причислить, за кружкою пива, императора Александра къ числу тирановъ и мучителей человечества. Однажды, вѣроятно, подъ влiянiемъ пива, у нихъ зашла даже рѣчь, что не мѣшало бы истребить съ лица земли этого ужаснаго деспота и что iенскiе бурши должны взять на себя это великое и спасительное дѣло. Разговоръ такъ и остался разговоромъ, хотя бурши много горячились и общались, быть можетъ, даже клялись Фоллену исполнить его предначертанiе: мало ли что не взбредетъ въ пьяную голову! Самъ Фолленъ, впрочемъ, не принималъ своего предложенiя въ серъезъ, онъ думалъ только испытать мужество и рѣшимость своихъ буршей. По словамъ Лео, ему было хорошо извѣстно, что императоръ Александръ выѣхалъ изъ Веймара еще до того времени, когда iенскiе бурши давали ему клятву погубить мнимаго тирана.

Теперь спрашивается, что есть общаго между болтовней пьяной компанiи восторженныхъ сумасбродовъ и злодѣйскими дѣянiями современныхъ анархистовъ? Вожди теперешнихъ террористовъ не дѣлаютъ страшныхъ предложенiй своимъ товарищамъ съ единственною цѣлью испытать ихъ мужество, они не импровизируютъ свои замыслы въ пьяной компанiи, а тщательно обду-

мываютъ и готовятъ ихъ въ многочисленныхъ и трезвыхъ совѣщанiяхъ. Но станемъ разъ на точку зрѣнiя г. Трейчке, допустимъ, что Фолленъ и его товарищи были настоящие предшественники нигилистовъ, что проповѣдуемое ими ученiе политическаго убiйства находило сочувственный отголосокъ въ обширныхъ кружкахъ молодежи; согласимся, что преступленiе Занда не было дѣломъ одной взбалмошной головы, а результатомъ заговора, хорошо обдуманнаго замысла, примемъ вмѣстѣ съ Трейчке за непреложный фактъ, что К. Фолленъ находился въ тѣсныхъ сношенiяхъ съ французскими революцiонерами, что iенскiе профессора проповѣдывали въ своихъ журналахъ самыя возмутительныя доктрины и что въ тогдашнихъ нѣмецкихъ университетахъ господствовалъ совершенно такой же нигилизмъ, какой процвѣтаетъ, по мнѣнiю г. Трейчке, въ теперешнихъ русскихъ. Если все это дѣйствительно такъ, то въ какомъ свѣтѣ должны тогда показаться г-ну фонъ-Трейчке господа Меттернихъ, Генцъ, Кампцъ и вся ихъ компанiя? Развѣ не долженъ онъ преклониться передъ ними, какъ передъ спасителями общества и будущности Германiи? Развѣ не обязанъ онъ воздать должную дань ихъ предусмотрительности, энергiи и мужеству? Вѣдь выходитъ, что они одни поняли дѣйствительное значенiе университетскихъ волненiй, и настояли на принятiи необходимыхъ противъ нихъ мѣръ.

И такъ, хвала и слава Меттерниху и компанiи! Ошибаетесь читатель! Трейчке не только не про-

славляетъ австрiйскаго канцлера, а напротивъ считаетъ его человѣкомъ ничтожнымъ, пустымъ, а его образъ дѣйствiя противъ университетовъ глупымъ и преступнымъ. Совершенно забывши все то, что онъ говорилъ о буршахъ нѣсколько страницъ тому назадъ, г. Трейчке называетъ нападенiе на университеты ничѣмъ не вызваннымъ, указываетъ на ничтожество и безсилiе кружка „безусловныхъ“ и выставляетъ Меттерниха въ смѣшномъ, каррикатурномъ видѣ. И такъ, г. Трейчке приписываетъ сначала учащейся молодежи зловреднѣйшiй радикализмъ, т. е. тоже самое, что усматривалъ въ ней и Меттернихъ, а затѣмъ не находитъ словъ для порицанiя того же Меттерниха за то, что онъ принималъ мѣры противъ страшнаго зла.

„Самосознанiе Меттерниха доходило, по словамъ г. Трейчке, до неизмѣримой высоты. Весь новый порядокъ европейскихъ дѣлъ казался ему его личнымъ дѣломъ. Глубокая лживость его натуры облегчала ему извращенiе фактовъ; вся исторiя человѣческаго рода казалась ему одною страшною путаницею глупостей и преступленiй; онъ одинъ оставался свободнымъ отъ страсти заблужденiя и себялюбiя среди всеобщаго увлеченiя и одуренiя“. Узнавъ объ убiствѣ Коцебу, Меттернихъ ликуетъ, онъ упивается чувствомъ удовлетвореннаго тщеславiя; „опять онъ одинъ предвидѣлъ все, раскрылъ дьявольскiе замыслы злодѣевъ“.... Меттернихъ находился въ это время въ Италiи съ императоромъ Францомъ, оттуда онъ писалъ письма женѣ. „Письма эти, за-

мѣчаетъ г. Трейчке, должны показаться непредубѣжденному читателю посланiями какого-нибудь любознательнаго commis voyageur, снабженными покойнымъ барономъ Мюнхгаузеномъ нѣсколькими историко-статистическими примѣчанiями. О настоящемъ положенiи Италiи и Германiи Меттернихъ не имѣетъ ни малѣйшаго представленiя. Маленькiе дворы взываютъ къ нему о помощи, что же удивительнаго, если этотъ тщеславнѣйшiй изъ тщеславныхъ впадаетъ въ безумное самообольщенiе и самовосхваленiе“.

Такъ характеризуетъ г. Трейчке Меттерниха. Характеристика, безъ сомнѣнiя, вѣрная, хотя и немного преувеличенная. Жаль только, что почтенный историкъ, ставъ самъ на точку зрѣнiя австрiйскаго канцлера, не имѣлъ права провозносить надъ нимъ такой рѣзкiй приговоръ. Еще болѣе жаль, что г. фонъ-Трейчке умалчалъ о настоящей причинѣ своей ненависти къ Меттерниху. Величайшее преступленiе Меттерниха заключалось, въ глазахъ г. фонъ-Трейчке, въ томъ, что онъ былъ австрiецъ, а не пруссакъ, что онъ шелъ противъ Пруссiи и счумѣлъ унижить ее. Будь Меттернихъ пруссакъ и г. Трейчке навѣрное преклонился бы предъ нимъ, какъ передъ гениемъ, спасителемъ отечества! Патрiотизмъ въ слишкомъ большой дозѣ плохое качество для историка. Не мѣшаетъ помнить объ этомъ всѣмъ историкамъ-патрiотамъ.

Профессоръ В. Надлеръ.

